

нас повели на северо-западную окраину города, где находился бывший склад боеприпасов. Прямоугольная территория, обнесенная двумя рядами колючей проволоки, с деревянными вышками по углам. В середине стояло девять кирпичных бараков с крышами и стенами, разрисованными зелеными пятнами «под камуфляж». Рядом с бараками - подъездные железнодорожные пути, полы в бараках высокие, асфальтированные, чтобы удобно разгружать вагоны.

Нас впустили, закрыли за нами лагерные ворота. Сопровождавшие нас немцы скрылись в небольшом домике у ворот. Голодные и уставшие, мы тут же уселись на землю. Наконец из домика вышел немец в фуражке и человек в форме, но без погона – оказался переводчик, который громко сказал: «Вставай, подымайся, рабочий народ!»... И далее стал переводить слова офицера. Мы поняли, что находимся в пересыльном лагере, где нельзя подходить к проволоке, разводить огонь и т.д. и т.п., за все – расстрел.

Первая ночь для меня была сплошным мучением, асфальтированный пол в бараках был очень холодный. Мои бедные кости после ночевки в лесу окончательно разболелись. Да и ночь прошла неспокойно. Мы лежали, тесно прижавшись друг к другу, но те, кто расположился ближе к двери, постоянно обдавались холодным воздухом из отодвигаемых, как в товарном вагоне, дверей.

Среди ночи вдруг отодвинулась дверь, кто-то вошел и громко сказал: «Товарищи! Они нас предали!» Вошедший чиркнул спичку, чтобы посмотреть, куда можно пройти, и все увидели побитое лицо в кровоподтеках. Голос продолжал: «Да, я еврей, моя фамилия Кремнев, я работал на Харьковском почтамте!» Кто-то дернул его за ногу и крикнул: «Закрой двери и ложись – холодно». Тот послушался, лег. Стало тихо. Утром все вышли из барака и стали знакомиться с обстановкой. В каждом из бараков,